

М. С. ГУРЫЧЕВА

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1

Советские лингвисты, занимающиеся проблемами основного словарного фонда, отмечают, что в основной словарный фонд наряду со словами входят и словообразовательные аффиксы¹. Принадлежность аффиксов к основному словарному фонду доказывается не только словообразовательной функцией аффиксов — их способностью служить средством обогащения словарного состава языка, но и их устойчивостью по сравнению со словами, входящими в словарный состав языка.

Принадлежность словообразовательных элементов к основному словарному фонду языка может быть доказана вполне лишь при разрешении вопроса о характере лексической абстракции в ее отличиях от грамматической. Однако мне представляется более вероятной мысль о том, что категории деятеля, орудия, места, продукта действия представляют собою результат высшей степени лексической, а не грамматической абстракции.

В основе грамматических категорий лежит определенное отношение между двумя понятиями. Так, например, в основе категории подлежащего также лежит понятие о деятеле, но этот деятель рассматривается в его отношении к действию, т. е. к сказуемому, в то время как в значении агентивных суффиксов такое отношение не выражено. Точно так же значение орудийного или местного падежа отлично по характеру своей абстракции от значения суффиксов орудийного или местного значения. Падежи орудийного и местного значения устанавливают отношение между членами предложения; суффиксы же не имеют этой синтаксической функции.

Аффиксы существуют в языке в течение очень долгого времени. Случаи их исчезновения очень редки. Изменения в морфологическом словообразовании обычно сводятся к ограничению продуктивности одних суффиксов в связи с увеличением производительных возможностей других. Однако, даже когда суффикс теряет свою продуктивность и, таким образом, выходит из основного словарного фонда, он сохраняется в языке и выполняет определенные смысловые функции. Так, например, суффикс *-is*, широко употреблявшийся во французском языке X—XIII вв. для образования имен действия и несомненно принадлежавший в этот период к основному словарному фонду, в дальнейшем хотя и теряет свою продуктивность, но выделяется в таких словах, как *cliquetis* «стук, дребезжанье», *gazouillis* «щебетанье», *ébouillis* «обвал», *hachis* «рубленое мясо» и т. п., и сохраняет в них свое значение. При постепенной утрате произ-

¹ См., например, В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3, стр. 235—236.

подлинности суффикса происходит и ограничение производных с ним слов каким-либо одним стилем речи, какой-либо одной функциональной областью языка.

Производные с суффиксом *-is* обнаруживают известную тенденцию к употреблению или в фамильярно-разговорном стиле речи, или в специальной терминологии, например: *jouillis*, *gribouillis* «пачкотня», *gâchis* «путаница». В то же самое время суффикс *-is* дает производные с узко специальным значением, распространенным в различных областях научно-технической терминологии, например: *glacis* (воен.) «гласис», *roulis* (морск.) «боковая качка», *châssis* (техн.) «шасси», *pilotis* (архит.) «свайное основание».

Ж. Вандриес склонен считать суффикс *-is* суффиксом преимущественно специального значения, и нам представляется верным его утверждение о том, что такие суффиксы, перенесенные в общелитературный язык, придают производным словам особую экспрессивность². Однако Ж. Вандриес не учитывает, что специальные суффиксы образуются на основе суффиксов общенародных при их выпадении из основного словарного фонда.

Можно указать также на французский суффикс *-aison*, который в связи с ограничением своей роли в образовании слов общенародного языка закрепляется в специальных областях языка, например: *lunaison* (астрон.) «лунный месяц», *olivaïson* «уборка оливо», *tomaïson* (типогр.) «обозначение тома книги», *tondaison* «стрижка овец».

Таким образом, суффиксы, утратившие свою производительную силу, не давшие в течение столетий ни одного производного, могут выделяться в производных словах, причем значение данных суффиксов ясно осознается говорящими. Так, например, в романских языках суффиксы, развившиеся из народнолатинского суффикса *-or*, *-orem*, относятся к числу наименее продуктивных суффиксов именного словообразования. Суффикс *-eur* из лат. *-or*, *-orem* выделяется в таких словах, как франц. *aigreur* «кислота», *hauteur* «высота», *noirceur* «чернота», *pâleur* «бледность», *rougeur* «краснота». Известное количество слов романских языков, образованных посредством суффикса *-or*, *-orem*, неразложимо, хотя суффикс не утратил своего значения. Например: итал. *stupore* «изумление», франц. *stupeur* «оцепенение»; итал. *odore*, франц. *odeur* «запах»; итал. *vigore*, франц. *vigueur*, исп. *vigor* «крепость, сила»; итал. *rigore*, франц. *rigueur*, исп. *rigor* «суровость»; итал. *tumore*, франц. *tumeur*, исп. *tumor* «опухоль»; итал. *onore*, франц. *honneur*, исп. *honor* «честь».

Большое количество образований с этими суффиксами принадлежит к наиболее древнему словарному ядру романских языков, и значение указанных суффиксов не изменилось до настоящего времени. Интересно отметить, что значения аффиксов более устойчивы, чем значения самостоятельных слов; в этом отношении представляет интерес наблюдение французского лингвиста Э. Пишона в работе по лексикологии французского языка³.

Э. Пишон доказывает в своей работе жизненность суффиксации в современном французском языке (*la vitalité de la suffixation*) и приводит в связи с этим такой факт. Девяностолетняя француженка не могла вспомнить слова «ширина» во французском языке; вместо слова *largeur* в ее речи появилось слово *choseur*, образованное от слова *chose* «вещь» с суффиксом *-eur*. В данном случае говорящее лицо ясно осознавало значение суффикса *-eur*, характеризующего имена существительные со значе-

² См. J. V e n d r i e s, Sur le suffixe «-is» du français, «Études romanes dédiées à Mario Roques...», Paris, 1946, стр. 109.

³ E. P i c h o n, Les principes de la suffixation en français, Paris, 1942.

нием качества. Так появился забавный неологизм, зарегистрированный Э. Пишоном⁴.

Можно привести ряд примеров, доказывающих, что аффиксы так же, как и элементы грамматического строя, обладают большой устойчивостью. Однако при всей устойчивости способов словообразования в итоге исторического развития языка происходят известные изменения. Эти изменения заключаются в перегруппировке словообразовательных средств, в изменении места отдельных аффиксов в словообразовательной системе языка.

Аффиксация (суффиксация и префиксация) представляет собой широко употребительный способ образования новых слов в современном французском языке. Утверждения А. Доза об упадке деривации как способа, не соответствующего аналитической тенденции современного французского языка⁵, представляются нам односторонними, не основанными на изучении национального языка во всей совокупности его речевых стилей. Недооценку разговорных стилей и данных диалектологии в работах тех лингвистов, которые спешили сделать вывод об упадке деривации во французском языке, отметил Ш. Кампру в своей статье «Упадок и жизнеспособность деривации»⁶. Однако несомненно, что закономерность развития деривации во французском языке заключалась в том, что удельный вес деривации в общей системе словообразовательных средств постепенно уменьшался в связи с развитием синтаксических способов словообразования, имевших зачаточный характер в старофранцузском языке.

О перегруппировке словообразовательных средств можно судить на основании следующих фактов. В старофранцузском языке большое распространение имел суффикс *-ance*, служивший для образования отлагательных существительных. Сфера действия этого суффикса постепенно сокращалась за счет распространения других способов суффиксации. Чтобы составить себе известное представление об этом процессе, достаточно сопоставить ряд слов старофранцузского языка с их эквивалентами, образованными от тех же основ, в современном французском языке.

Старофранцузский	Современный французский	
<i>coustance</i>	<i>coût</i>	„стоимость, цена“
<i>demandance</i>	<i>demande</i>	„просьба“
<i>desirance</i>	<i>désir</i>	„желание“
<i>desputance</i>	<i>dispute</i>	„ссора“
<i>doutance</i>	<i>doute</i>	„сомнение“
<i>espargance</i>	<i>épargne</i>	„сбережение“
<i>fablance</i>	<i>fable</i>	„рассказ“
<i>finance</i>	<i>fin</i>	„конец“
<i>formance</i>	<i>formation</i>	„возникновение, образование“
<i>generance</i>	<i>génération</i>	„поколение“
<i>mesprovance</i>	<i>désapprobation</i>	„осуждение, неодобрение“
<i>nomance</i>	<i>dénomination</i>	„наименование“
<i>predicance</i>	<i>prédication</i>	„проповедь“
<i>publiance</i>	<i>publication</i>	„опубликование“
<i>renonçance</i>	<i>renoncement</i>	„отречение“

⁴ См. там же, стр. 13.

⁵ См. А. Dauzat, L'appauvrissement de la dérivation en français, «Le français moderne», Paris, 1937, № 4, стр. 289—299.

⁶ Ch. Campru o u x, Déficience et vitalité de la dérivation, «Le français moderne», Paris, 1951, № 3, стр. 181—186.

На основании этих сопоставлений мы можем сделать заключение, что к новофранцузскому периоду особое значение для образования разряда существительных *nomina actionis* приобрел суффикс *-ation* и что в современном французском языке в той же функции получает распространение нулевой суффикс: *doule, désir* и т. п.

Наблюдения над изменением и развитием способов словообразования позволяют нам сделать вывод о том, что процессы эти обусловлены известной общей закономерностью, весьма ярко проявляющейся в истории французского языка. В области лексики такой общей закономерностью, отражающей развитие языка в сторону его большего совершенствования, является развитие известной специализации в суффиксах.

В более древний период развития языка отсутствует четкая морфологическая дифференциация между именами действия, качества, деятеля и орудия. Например, суффикс *-age* может образовывать имена действия — *voyage* «путешествие», деятеля — *message* «посол» (и «посольство») и качества — *barnage* «доблесть» и «состояние баронов». Подобные случаи многозначности суффиксов наблюдаются и в современных романских языках, но это явление сильно ограничено в новый период.

Р. А. Будагов, останавливаясь на вопросе о многозначности суффикса *-able* в старофранцузском языке, замечает: «Что же произошло с суффиксом *-able* в истории языка? Движение от многозначности к однозначности? Отнюдь нет. Такое прямолинейное и наивное представление, согласно которому в старом языке еще все недифференцировано, все многозначно, а в новом — все дифференцировано и все однозначно, не соответствует фактам»⁷.

Бесспорно, надо стремиться к тому, чтобы не извращать сущность сложнейших языковых процессов и не представлять себе схематически развитие языка. Однако наши наблюдения позволяют нам утверждать, что многозначность суффиксов более типична для древних романских языков, чем для новых, и что эта многозначность очень медленно и постепенно преодолевается; в этом и заключается, в частности, известное совершенствование словообразовательных средств французского языка.

Приведенные выше (на стр. 71) сопоставления косвенно свидетельствуют и о том, что по мере приближения к новому периоду суффикс *-ance* начал употребляться преимущественно для образования существительных со значением качества (например: *abondance* «изобилие», *confiance* «доверие», *constance* «постоянство», *dilligence* «проворство», *insolence* «дерзость», *excellence* «превосходство», *perseverance* «постоянство», *persistance* «настойчивость», *reconnaissance* «признательность» и т. п.) и в настоящее время не является больше продуктивным для образования имен действия, в отличие от старофранцузского языка, где он в равной мере служил для образования имен действия и качества.

Развитие в сторону известной специализации испытал и народнолатинский суффикс *-aticu*. Как известно, этот суффикс служил первоначально для образования относительных прилагательных: лат. *silvaticum* «лесной», итал. *selvaggio* «дикий, лесной» и *selvatico* то же значение, франц. *sauvage* «дикий», исп. *salvaje* «дикий». Такие относительные прилагательные могли субстантивироваться: лат. *coraticu* от *cor* «сердце», итал. *coraggio* «мужество», франц. *courage* «храбрость». В старофранцузский период суффикс *-age* (< *-aticu*) также часто употреблялся для образования прилагательных: *ombrage* «тенистый», *varage* «морской», *etage* «водя-

⁷ Р. А. Будагов, Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», I, М., 1952, стр. 117.

ной», *ivernage* «зимний», а в средние века этот суффикс был использован для образования существительных со значением различного вида налогов: *peage* «мостовой сбор», *jouage* «налог, взимаемый за очаг», *journage* «налог, взимаемый за право выпечки хлеба», *panage* «налог, взимаемый за пастбище». Аналогичные образования с суффиксом, развившимся на основе латинского *-aticu*, имели место и в староиспанском языке.

История французского языка, более чем история какого-либо другого романского языка, дает нам основания для суждения о том, что специализация словообразовательных аффиксов есть известная закономерность, свойственная словарному составу языка. Так, во французском языке мы прослеживаем растущую тенденцию к дифференциации именных суффиксов *-ment* < *-mentum* и *-ure* < *-tura*. Эти суффиксы первоначально служили для образования имен существительных со значением действия и состояния. Их функции были адекватны, например: *aisure* и *aisement* «удовольствие», *angoisse* и *angoissement* «тоска», *aresture* и *arestement* «арест, остановка», *adevinure* и *adevinement* «догадка».

В дальнейшем образовании с суффиксом *-ure* употребляются во французском языке преимущественно для обозначения результата действия или орудия, т. е. получают более конкретное значение, нежели образования с суффиксом, развившимся на основе латинского суффикса *-mentum*. Ср., например, *armement* «вооружение» (действие) и *armure* «вооружение, доспехи», *serrement* «давление, сжимание» и *serrure* «замок, запор», *glanement* «собиранье колосьев» и *glanure* «подобранные колосья». Об этом же более конкретном характере образований на *-ure* свидетельствуют такие существительные, как *pelure* «очистки», *jointure* «сочленение», *égratiture* «царапина», *monture* «верховое животное, станок».

Эта же тенденция к разграничению функций соответствующих суффиксов проявляется, хотя и в меньшей степени, в итальянском языке. Ср., например, *armamento* «вооружение» и *armatura* «доспехи», *abbruciamento* «сжигание» и *abbruciatura* «пригар, ожог», *abburattamento* «просеивание» и *abburattatura* «отсев, отруби». В испанском языке также имеют место отдельные случаи разграничения функций древних суффиксов *-mentum*, *-tura*. Ср., например, *armamento* «снаряжение» и *armadura* «оружие», *lavamiento* «мытье» и *lavadura* «помой», *amaestramiento* «учение, обучение» и *amaestradura* «хитрость, лукавство».

Однако в итальянском и в испанском языках больше, чем во французском языке, случаев недифференцированного употребления суффиксов, развившихся на основе *-mentum* и *-tura* и служащих для образования существительных со значением действия и результата действия. Так, в итальянском языке в одном значении могут употребляться такие пары существительных, как *calzamento* — *calzatura* «обувь», *addirizzamento* — *addirizzatura* «выпрямление», *arrabbianamento* — *arrabbiatura* «бешенство, неистовство». В ряде случаев существительные на *-tura*, кроме значения абстрактного действия, могут иметь еще и значение результата действия, например, *cancellatura*, кроме значения «зачеркивание», имеет еще и значение «подчистка в рукописи»; *affondatura*, кроме значения «погружение», имеет еще и значение «углубление (выемка)» (те же значения имеет и слово *cavatura*). Следовательно, существительные с суффиксом *-tura* лишь частью своего смыслового содержания совпадают с существительными на *-mento*.

В испанском языке мы также наблюдаем синонимическое употребление существительных с суффиксами *-miento* и *-dura*, например: *frotamiento* — *frotadura* «трение, вытирание», *entallamiento* — *entalladura* «гравирование, скульптура», *encrespamiento* — *encrespadura* «завивание, завивка», *sobajamiento* — *sobajadura* «ощупывание», *atildamiento* — *atildadura* «рас-

становка знаков препинания». Подобные синонимические пары — довольно частое явление в лексическом составе современного испанского языка.

Как известно, советские лингвисты признают одним из законов, действующих в развитии языка, неравномерность темпов изменения разных его сторон*. Неравномерность темпов языковых изменений наблюдается и при образовании групп родственных языков из языка-основы. В группе романских языков грамматический строй и основной словарный фонд французского языка испытали более значительные качественные изменения по мере приближения к новому периоду, нежели грамматический строй и основной словарный фонд итальянского и испанского языков, относительно замедленные темпы изменения которых, очевидно, были связаны со спецификой формирования национальных языков в Испании и особенно в Италии.

2

Наблюдение над способами словообразования французского, итальянского и испанского языков позволяет сделать любопытные сопоставления испанского и итальянского языков в их современном состоянии со старофранцузским языком. В старофранцузском языке мы наблюдаем богатую лексическую синонимку, особенно широко представленную в одном из разрядов существительных — в так называемых *nomina actionis* (именах действия). Суффиксы *-is*, *-age*, *-ance*, *-ment*, *-aison*, *-ure*, *-ade*, *-erie*, *-ie* и др. в этот период в равной степени употребляются для образования имен действия, причем сосуществуют образования от одной основы с разными суффиксами для выражения одних и тех же значений. Приведем в качестве примера несколько синонимических групп:

<i>angoissement</i>	}	«скорбь, горе, тоска»
<i>angoissure</i>		
<i>angoisserie</i>		
<i>angoisseté</i>		
<i>griété</i>	}	«потеря, неприятность»
<i>grevance</i>		
<i>grevement</i>		
<i>greveison</i>		
<i>assembleïs</i>	}	«соборание, соединение»
<i>assemblaille</i>		
<i>assemblée</i>		
<i>assemblément</i>		
<i>assembloison</i>		
<i>amendacion</i>	}	«исправление, улучшение»
<i>amendage</i>		
<i>amende</i>		
<i>amendement</i>		
<i>amendise</i>		
<i>amendison</i>		

* См., например, В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 14.

Возможность образования однозначных производных от одной основы почти утрачена в современном французском языке, в то время как итальянский и испанский языки сохранили ее, как об этом позволяют судить вышеприведенные примеры тождественных функций суффиксов, развившихся в испанском и в итальянском языках на основе латинских суффиксов *-mentum* и *-tura* (см. стр. 73). В разрядах *nomina actionis* и *nomina qualitatis* можно указать на тождество функций и у других суффиксов, дающих производные от одной и той же основы; например, в современном испанском языке сосуществуют такие образования: *frotamiento* — *frote* — *frotación* — *frotadura* «трение, вытирание»; *revelación* — *revelamiento* «разоблачение, откровение»; *terneza* — *ternura* «нежность»; *tersura* — *tersidad* «гладкость, глянец»; *encadenación* — *encadenadura* — *encadenamiento* «наложение цепей, связь». Примеры можно было бы увеличить.

Аналогичное явление, но в несколько меньшей степени, наблюдается и в современном итальянском языке, например: *compensamento* — *compensazione* «возмещение, компенсация»; *compilatura* — *compilazione* «составление, компиляция»; *dissolvimento* — *dissoluzione* «расторжение, растворение»; *disunità* — *disunitezza* «разобщение, разъединение»; *emendazione* — *emendamento* «улучшение, направление»; *ponzatura* — *ponzamento* «напряжение, усилие»; *accoglimento* — *accoglienza* «принем».

Таким образом, сравнение синонимии испанского и итальянского языков с синонимикой французского приводит к предположению о том, что особенности образования синонимов в отдельных романских языках объясняются различием в темпах изменения этих языков.

Словообразовательные аффиксы, как уже отмечалось выше, распределяются по стилям речи в связи с тем, что они не только подводят слово под общую категорию деятеля, действия, орудия, места действия и т. п., но могут содержать еще и выражение известной эмоциональной оценки. К такого рода аффиксам принадлежат, в частности, суффиксы со значением увеличительности и уменьшительности.

Распространение увеличительных и особенно уменьшительных суффиксов исторически изменчиво; в истории отдельных языков есть периоды, характеризующиеся особым распространением уменьшительных суффиксов. Так, в старофранцузский период до XVI в. производные существительные с уменьшительными суффиксами были широко употребительны. Возможность словообразования такого рода несколько ограничилась к новофранцузскому периоду. Итальянский язык, характеризующийся широким распространением уменьшительных суффиксов, в этом отношении также ближе к старофранцузскому, чем к новофранцузскому.

Уменьшительные суффиксы, в основном, развились на основе латинских суффиксов, получивших особое распространение в разговорном стиле речи латинского языка. Это первоначальное ядро латинских суффиксов постепенно видоизменилось, в результате переразложения производных основ возникли новые суффиксы. Производные слова, образованные посредством уменьшительных суффиксов, в различных языках в большей или меньшей степени подвергались опрощению. Французский язык более, чем какой-либо другой из родственных ему языков, обнаруживает в своей истории тенденцию к опрощению производных слов с уменьшительными суффиксами.

Явления опрощения определялись в известной степени быстрыми темпами фонетических изменений, комбинаторными изменениями звуков, вызывавшими появление разнообразных фонетических форм одного и того же суффикса. Так, например, латинский суффикс *-ula* (*-cula*) в зависимости от характера основы давал во французском языке *-ouille*, *-ille* и

-eille: *ranucula* > *grenouille* «лягушка»; *canicula* > *chenille* «гусеница»; *apicula* > *abeille* «пчела»; *cornicula* > *corneille* «ворона».

Этот суффикс не удержался во французском языке; большинство латинских слов, содержащих суффикс *-ulus*, *-ula*, в Галлии подвергается опрошению [*corbicula* > *corbeille* «корзина»; *butticula* > *bouteille* «бутылка»; *articulum* > *orteil* «палец» (ноги); *vermiculum* > *vermeil* «румяный, алый», «позолоченное серебро»; *soliculum* > *soleil* «солнце»]; такому опрошению содействовало то, что, как правило, соответствующие простые слова (*corbis*, *buttis*, *artus*, *vermis*, *sol*) не удерживались во французском языке. В то же время слова *corbo*, *botte*, *arto*, *verme*, *sole* сохранились в итальянском языке, в связи с чем суффиксы *-olo*, *-ola* (< *-ulus*) и обнаруживают в нем некоторую продуктивность; ср. *figlio*, *figliuolo* «сын»; *figlia* «дочь»; *figliola* «дочь, девочка»; *avo*, *avolo* «дед»; *rivo* «ручей»; *rivolo* «ручей, ручеек».

В других романских языках тоже в большей степени, нежели во французском, сохранились противопоставления слов непроизводных производным с уменьшительным суффиксом. Ср., например, в испанском: *bota* (< *buttis*) «бочка», *botella* (< *butticula*) «бутылка». В данных примерах нас интересует прежде всего то, что в Иберии, так же как и на Апеннинском полуострове, производные с уменьшительным суффиксом не во всех случаях вытесняли соответствующие непроизводные слова и сохранились в этих языках как идеографические или стилистические синонимы. В Галлии же корневое слово чаще вытеснялось производным; производное опрощалось, и суффикс мог терять свою производительность.

В современном французском языке уменьшительные суффиксы — менее живая категория, чем в остальных романских языках. В качестве известной тенденции, свойственной французскому языку, можно указать на быстрое опрошение слов с уменьшительными суффиксами, а также на утрату этими последними своей экспрессивности, своего оценочного характера, благодаря чему они переходят в другие разряды суффиксов. Так, уменьшительные суффиксы дали основу для формирования суффиксов орудийного значения и в качестве таковых служат постоянным средством обогащения французской технической терминологии. Ср., например, *chevalet* «станок» (от *cheval* «лошадь»); *chevron* «стропило» (от *chèvre* «коза»); *chenille* «гусеничная лента» (от *chien* «собака»); *ramette* «рама» (типogr.) (от *rame* «ветка», «подпорка»); *rondelle* «шайба» (от *rond* «круг»); *rouet* «прялка» (от *roue* «колесо»).

Исключительно продуктивным является способ образования имен орудия от глагольных основ посредством суффиксов уменьшительного значения, например: *fauch-et* «серп», *for-et* «бурав», *pass-ette* «педилка», *fourn-ette* «мотовило», *roul-ette* «ролик», *souffl-et* «раздувательный мех», *tét-erelle* «молокоотсос».

Изучение истории суффиксов уменьшительного значения — мало разработанный в советской романистике вопрос, который связан с проблемой формирования и развития технической терминологии. В технической терминологии существуют известные особенности словообразования. Продуктивными способами образования новых технических терминов обычно оказываются как раз те, которые мало употребительны в общеразговорном языке. Подобное явление, очевидно, связано с широко распространенной тенденцией дифференциации слов общенародных и технических. В русском языке, например, такая дифференциация может достигаться, в частности, средствами ударения: *добыча* — *дóбыча*, *искра* — *искря́*.

Способы образования научно-технической терминологии французского языка представляют значительный интерес в сравнительно-историческом плане. Аффиксы в технической терминологии обычно развиваются

на основе суффиксов со значением уменьшительности, собирательности, а также на основе суффиксов деятеля. Так, для образования технических терминов со значением действия в современном французском языке продуктивен суффикс *-age*, который широко употреблялся в старофранцузском языке для образования собирательных имен существительных. Ср., например, *abordage* «абордаж», *accordage* «настройка инструмента» (*accord* «соглашение»), *affinage* «чистка металлов», *mâtage* «установка мачт», *montage* «монтаж», *métrage* «метраж», *moulage* «литье», *pavage* «мощение», с одной стороны, и *barnage* «сословие баронов», *vasselage* «вассалы, состояние вассалов», *feuillage* «листва», *ramage* «ветви» — с другой.

Могут использоваться в технической терминологии и суффиксы деятеля. Во французском языке среди них в первую очередь надо отметить суффикс *-euse*, образующий существительные женского рода: *bateuse* «молотилка», *faucheuse* «сенокосилка», *balayeuse* «пылесос», *broyeuse* «трепальная машина» и т. п. В испанском языке названия машин образуются при помощи агентивных суффиксов *-dor, -dora*: *trilladora* «молотилка», *segadora* «жатка», *aspirador del polvo* «пылесос», *agramadora* «трепальная машина» и т. п. В итальянском языке продуктивным для аналогичных образований является суффикс *-trice*: *mietitrice* «сенокосилка», *trebbiatrice* «молотилка», *punzonatrice* «дыропробивной станок» и т. п.

В этих случаях мы наблюдаем известную общую закономерность, свойственную не только романским языкам, — превращение агентивных суффиксов в суффиксы орудия; эта закономерность связана и с известной семантической закономерностью: создание имен орудия на основе имен деятеля.

Связь значения деятеля и орудия не столь постоянна и характерна для лексики французского языка, но в ряде случаев она имеет место. Например, слово *gueulard* «горлан» употребляется также для обозначения верхнего отверстия доменной печи, слово *judas* имеет значения «предатель» и «слуховое окошечко», *torpilleur* обозначает «миноносец» и «торпедист», *garçette* — производное от *garce* (< *gars* «мальчик») — имеет значение «линеек», *femelle* — «самка» и «муфта» (техн.), *radio* — «радио» и «радист». Ср. в итальянском языке: *femmina* — «женщина», «самка» и «гайка», *carone* — «упрямец» и «якорный крюк», *lucernaio* — «большой фонарь» и «ламповщик». Ср. также в испанском языке: *hembra* — «самка», «женщина» и «литейная форма», *patrona* — «хозяйка дома» и «галера». Примеры можно было бы увеличить.

Важно подчеркнуть в связи с этим, что пути развития лексики специальных областей языка определяются словообразовательными и семантическими закономерностями международного языка, хотя способы словообразования в технической терминологии имеют свою специфику в отдельных языках, связанных между собой общностью происхождения.

Продуктивность аффикса может варьироваться в зависимости от стиля речи. Распределение производных слов по стилям речи является результатом взаимодействия закономерностей, свойственных всей группе родственных языков, с закономерностями, свойственными отдельным национальным языкам. В качестве известной общей закономерности, управляющей распределением производных слов по стилям речи, можно выделить развитие в заимствованных словах иронического или пренебрежительного оттенка. Так, во французском языке приобрели иронически-уничижительный оттенок суффиксы *-ard, -aud*, выделенные в словах германского происхождения. Образования подобного рода характеризуют фамильярно-разговорный стиль речи: *geignard* «пытик», *froussard* «трус», *papelard* «халяжа», *guignard* «неудачник» и т. п. Несколько менее произ-

подительны образования с суффиксом *-aud*: *grimaud* «педант, писака», *badaud* «протозей», *nigaud* «простофиля». Суффиксы *-ardo*, *-aldo* того же происхождения получили некоторое распространение в итальянском языке: *vecchiardo* «старый хрен», *bugiardo* «лгаль», *codardo* «трус».

Точно так же суффикс *-ade* во французском языке, проникший в него вместе со словами, заимствованными из итальянского, может использоваться для образования существительных, имеющих определенную эмоциональную окрашенность и распространенных в разговорном стиле речи: *bravade* «бравата», *escapade* «проказа», *estocade* «неожиданное нападение», *dégringolade* «спуск, падение».

Суффиксы общероманского происхождения в различных романских языках по-разному распределяются внутри лексической системы. Например, суффикс *-ation* (<*-ationem*) во французском языке образует существительные, имеющие вполне общенародный характер, а в итальянском языке суффикс *-izione* (*-zione*) аналогичного происхождения употребляется преимущественно для образования существительных со специальным значением. Так, итал. *compositura* имеет значение «составление», «смещение», а *composizione* передает те же значения и, кроме того, может употребляться в качестве музыкального, химического и юридического терминов. Характер терминов имеют и слова *coniunzione* (грам.) «союз» и *coniunzione* (астр.) «совпадение», *decomposizione* (физ.) «разложение сил», *collimazione* (астр.) «коллимация», *deflagrazione* (хим.) «вспышка». В испанском языке суффикс *-aje*, проникший с заимствованиями из французского языка, дал начало ряду таких специальных терминов, как *arqueaje* «тоннаж», *braceaje* «измерение глубины», *cordaje* «такелаж», *amaraaje* «посадка на воду (гидроплана)», *montaje* «монтаж».

*

Значение производного слова, его эмоциональная окрашенность, его семантические связи с другими словами определяются в итоге взаимодействия значения аффикса с лексическим значением основы. Суффикс, первоначально вносивший в производное слово известный оттенок значения, может получить новое значение при сочетании с основами определенного лексического характера. Так, например, французский суффикс *-ment* (<*-mentum*) служит для образования имен действия, но, кроме этой общей функции, он имеет более специализированное значение и используется для образования существительных, обозначающих особенности речи и крики животных. Это значение суффикс *-ment* мог получить в XII в. в существительных типа *parlement* (первоначально «разговор, беседа»). На этой основе стали возможными такие образования, как *bégaïement* «заикание», *nasillement* «гнусавость», *beuglement* «мычание», *hennissement* «жрканье», *aboiement* «лай», *miaulement* «мяуканье», *gloussement* «кудаханье», *glapissement* «визг», *croassement* «карканье», *coassement* «кваканье».

Своеобразный пример специализации аффикса находим в испанском языке, где суффикс *-azo* очень продуктивен для образования существительных, обозначающих удар: *alfajazo* «удар саблей», *cañazo* «удар тростником», *garrotazo* «удар дубиной», *testazo* «удар головой», *sombrerazo* «удар шляпой», *topeazo* «удар рогами», *puñetazo* «удар кулаком» и т. п. В других романских языках существительные аналогичного значения не являются столь типичными, а для их образования могут использоваться суффиксы, происходящие от латинского окончания *participium perfecti passivi -ata* (ср., например, итал. *coltellata* «удар ножом»).

3

Словообразование является основным источником развития синонимии, посредством словообразования обогащаются определенные области лексической системы языка. Интересно отметить, что синонимическое богатство определенных лексических слоев языка может зависеть от фонда жизненно важных понятий на определенном этапе исторического развития языка. Вряд ли можно считать случайным необычайное синонимическое богатство лексики, относящейся к войне, в период средневековья. В качестве иллюстрации приведем ряд слов со значением «битва», «сражение», широко распространенных в старофранцузский период: *bataille*, *batailleis*, *briseis*, *combat*, *combateis*, *debateis*, *estor*, *estriif*, *jereis*, *meslee*, *poigne*, *poigneis*, *tençon*, *tireis*. Так же богата в XI—XIV вв. синонимика глаголов со значением «разрушить»: *destruire*, *defondre*, *deforcier*, *defraindre*, *gaster*, *proier*, *pecoier*, *ravager*, *raviner*. Примеры синонимических рядов такого рода отнюдь не исчерпываются указанными случаями.

И. В. Сталин в своих работах по языкознанию говорит, что «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁹. Конечно, было бы грубой методологической ошибкой считать, что в период феодализма во Франции существовал особый язык, отличный по строю от языка последующих периодов. Однако лексические особенности языка безусловно связаны с различными общественными формациями. Эта связь проявляется не только в возникновении новых слов, отражающих появление новых реалий или развитие понятий об окружающей природе, но и в развитии определенных областей словарного состава.

В известные периоды особое развитие в языке получают определенные смысловые сферы, которые наиболее тесно связаны с фондом жизненно важных понятий. Лексика старофранцузского периода, отраженная в памятниках различных литературных жанров и дающая известное представление о различных стилях речи, — очень специфична. Она отражает бурную жизнь Франции периода X—XV вв.: междоусобные войны феодалов, борьбу политической власти за объединение феодальных владений, войны против внешних врагов, восстания крестьян и т. д. Развитие денежных отношений тоже своеобразно отражается в словаре. В языке появляется множество синонимических выражений, связанных с понятиями выгоды, хитрости, обмана.

Во французской литературе XIII в., как известно, крупнейшим памятником является «Роман о Лисе», повествующий о проделках и плутнях изворотливого Ренара. Приведем отсюда несколько синонимов со значением «обман»: *boisie*, *boiselé*, *boiserie*, *deçoite*, *decevance*, *enheudissement*, *engin*, *falue*, *guile*, *fauvine*, *malengin*, *pipée*, *reboisement*, *triche* и многие другие. Подобное синонимическое богатство, конечно, невозможно в современном языке. Очевидно, это связано с тем, что слова, выражающие понятие «обман», в большинстве случаев не вошли в основной словарный фонд французского языка, хотя лексическое развитие этого понятия происходит на базе слов основного словарного фонда. В вышеприведенном ряду синонимов слово *falue* образовано от глагола *falloir* (*falir*), входящего в основной словарный фонд и давшего в течение ряда веков производные: *fallace* (XIII в.) «обман», *jalacieux* (XIV в.) «лживый»,

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

faillible (XIII в) «подверженный ошибкам», *défaillir* (XII в) «слабеть», *de faillance* (XII в) «слабость, упадок сил» и т. п.

Изучение развития синонимики может дать ценный материал для разработки проблемы о связи развития языка с развитием общества. Ценный материал в плане разработки той же проблемы могут дать наблюдения над развитием общероманского ядра основного словарного фонда в отдельных романских языках. Важнейшей проблемой исторической лексикологии является изучение способов развития основного словарного фонда на основе того первичного ядра, которое характеризует язык на первой стадии его формирования.

Известно, что старофранцузский язык получил законченную литературную обработку в начале XI в. В произведениях XI—XIII вв. отображен словарный состав языка французской народности, отличающийся своим богатством от словарного состава ранних памятников старофранцузского языка, относящихся к IX—X вв. Однако наблюдение над ранними памятниками старофранцузского языка дает нам возможность выделить то ядро основного словарного фонда, которое послужило базой как для развития самого основного словарного фонда, так и для обогащения всего словарного состава языка. Большинство слов, встречающихся в этих памятниках, сохранилось до нашего времени, причем некоторые из них остаются за пределами основного словарного фонда.

Семантика слов первичного словарного состава старофранцузского языка разнообразна. Наиболее развита лексика, относящаяся к организму человека, к его трудовой и интеллектуальной деятельности, к моральным свойствам и чувствам человека. Большинство этих слов — латинского происхождения, они сохранились почти во всех романских языках. Например лат *homo*, *hominem* «человек» — рум *om*, итал *uomo*, исп *hombre*, португ *homem*, франц *homme* лат *manus*, *manum* «рука» — рум *mana*, итал *mano*, исп *mano*, португ *mão*, франц *main* лат *oculus*, *oculum* «глаз» — рум *ochiu*, итал *occhio*, исп *ojo*, португ *olho* франц *oeil*, лат *pes*, *pedem* «нога» — итал *pie*, исп *pie* португ *pe*, франц *piéd*.

Многие глаголы, обозначающие различные виды трудовой деятельности, имеют общее происхождение в ряде романских языков и входят в первичное словарное ядро французского языка. Например лат *facere* «делать» — рум *a face*, итал *fare*, исп *hacer*, португ *fazer*, франц *faire*, лат *armare* «вооружать» — рум *a arma*, итал *armare*, исп *armar*, португ *armar*, франц *armer*, лат *findere* «раскалывать» — итал *fendere*, исп *hender*, португ *fender*, франц *fendre* лат *coquere* «варить (пищу)» — рум *a coace*, итал *cuocere*, исп *cocer*, португ *cozer*, франц *cuire*.

К первичному словарному ядру французского языка относятся и некоторые глаголы речи, умственного и чувственного восприятия, имеющие эквиваленты того же происхождения в других романских языках. Например лат *dicere* «говорить» — рум *a zice*, итал *dire*, исп *decir*, португ *dizer*, франц *dire* лат *cantare* «петь» — рум *a cânta*, итал *cantare*, исп *cantar*, португ *cantar*, франц *chanter* нар лат *rememorare* «помнить» — итал *rammemorare*, португ *rememorar*, ст франц *remembrer*, лат *audire* «слышать» — рум *a auzi*, итал *udire*, исп *oír*, франц *ouïr*.

Глаголы передвижения, встречающиеся в старофранцузских памятниках IX—X вв., также оказываются принадлежащими к общероманскому ядру словарного фонда языка. Ср лат *venire* «приходить» — рум *a veni*, итал *venire*, исп *venir* португ *vir*, франц *venir*, нар лат *intrare* «входить» — рум *a intra*, итал *entrare*, исп *entrar*, португ *entrar*, франц *entrer*.

В тех же памятниках встречаются слова относящиеся к городской культуре Ср лат *murus, murum* «стена» — итал *muro*, исп *muro*, португ *muro*, франц *mur* лат *civitas, civitatem* «город» — итал *città*, исп *ciudad*, португ *cidade*, франц *cité*, лат *templum* «храм» — итал *templo*, исп *templo*, португ *templo*, франц *temple* лат *mansio, mansio nem* «местопребывание» — итал *mansione*, исп *mansion* франц *maison* «дом», лат *monumentum* «памятник» — итал *monumento*, исп *monumento*, португ *monumento*, франц *monument*

К общероманскому фонду принадлежат также слова, обозначающие небо, землю и различные природные явления, они входят в состав наиболее древней и устойчивой части лексики в отдельных романских языках. Особый интерес в плане изучения истории языка в связи с историей на рода представляют наименее устойчивые слои лексического состава отдельных романских языков. Среди подобных неустойчивых и легко обновляющихся слоев лексики следует отметить в первую очередь названия частей одежды. Различные названия одежды, распространенные в романских языках в древний период, исчезли из употребления, и их значение неясно даже для филологов, которые в комментариях к старым текстам обычно ограничиваются указанием на родовое понятие, выражаемое данным словом «род одежды». Бесследно исчезли во французском языке такие названия одежды, как *bliaut, doublette fallot ganote, famulaire, estival* и многие другие.

При сравнении названий одежд мы наблюдаем словарные расхождения в современных романских языках, несмотря на тенденцию к унификации одежды. Например «юбка» — франц *jupe*, итал *gonna* или *sottana* исп *falda* или *saya*, «шляпа» — франц *chapeau*, исп *sombrero* «шинель» — франц *capote*, итал *pastrano*, исп *capote*

Относительно неустойчивым слоем в языке оказываются и названия рыб, птиц и растений. Эти слова обычно не восходят к общероманскому фонду и с течением времени могут заменяться новыми названиями, отражающими углубление человеческого познания об окружающей природе. Так, старофранцузское название электрического ската *dormilleuse* было в дальнейшем заменено заимствованным из итальянского языка словом *torpille*. Это слово, проникшее во французский язык в XVI в. и обозначавшее также род мины, лучше, чем старое название, характеризовало вредоносные свойства данной рыбы. Некоторые прежние названия рыб и птиц могли заменяться новыми наименованиями и в связи с потребностью установить известные соотношения между видами рыб и птиц. Например, древнефранцузское название трески *hanon* было заменено словом *merlan*, производным от *merle* «дрозд». То же соответствие между названиями дрозда и трески находим и в других романских языках. Ср исп *merla* «дрозд» — *merluza* «треска», итал *merlo* — *merluzzo*. В латинском языке слово *merula* употреблялось для обозначения дрозда и рыбы («морской дрозд»).

Названия рыб и птиц в большинстве случаев представляют своеобразные расхождения в романских языках. Например, среди названий рыб «щука» — франц *brochet*, итал *luccio*, исп *marion*. Французское слово *brochet*, производное от *broche* «вертел», характеризует рыбу со стороны ее формы, итальянское название *luccio* (от основы *luc* «блеск, сверкание», ср глагол *lucchiare* «блестеть, сверкать») характеризует рыбу со стороны другого признака, наконец, испанское *marion* — производное от собственного имени *Maria*, давшего начало ряду названий животных¹⁰. «Лещ» —

¹⁰ См. об этом В. Ш. и Ш. М. А. Р. в Очерки по истории языков Испании. М — Л, Изд-во АН СССР, 1941, стр. 28.

франц. *brème*, итал. *reina*, исп. *brema* и *sargo*. В этом случае во французском языке сохранилось слово франкского происхождения (из **brahisma*); это же слово дало начало испанскому *brema*, в то время как в итальянском языке распространилось метафорическое название *reina* от лат. *regina*.

Подобные расхождения обнаруживаются и в наименованиях птиц. Например, франц. *chardonne* «щегол» образовано от слова *chardon*, обозначающего чертополох, семена которого составляют пищу этой птицы; в испанском языке та же птица называется *jilguero* (слово проникло в испанский язык через посредство арабского). В основу названия малиновки во французском, испанском и итальянском языках лег один и тот же образ («красная грудка»), хотя метафора реализуется в каждом случае при помощи специфических (лексических и грамматических) средств национального языка: франц. *rouge-gorge*, исп. *petirrojo*, итал. *pettirosso*.

В этой области могли сохраниться и древние наименования, восходящие к словам языков автохтонов, могли наблюдаться случаи переноса названий. Видовые наименования могли получать значение родовых. Так, например, лат. *passer* «воробей» в испанском языке получило общее значение «птица» — *pájaro*.

Основной словарный фонд, наряду с внешними словарными ресурсами, т. е. заимствованиями, служит для обновления таких подвижных лексических слоев, как названия орудий, костюмов, домашней утвари, растений и животных. Например, в литературный французский язык из диалектов и иностранных языков проникают названия новой одежды: *blouse* — из диалектов провансальского языка, *rédingote* — из английского. Создаются такие названия, как *capote* «шинель», производное от нар.-лат. *sarra* «покрывало, накидка».

На основе внутренних ресурсов языка и заимствований создаются новые слова для обозначения новых орудий и методов производства, новых достижений науки и техники. Так, развитие авиации вызвало к жизни новое слово *aviation*, образованное от лат. *avis* «птица» при помощи продуктивного во французском языке суффикса *-ation*. Известно, что слово *avis* лежит в основе таких слов, как *oie* «гусь», *oiseau* «птица», *oisif* «беспечный», *avelle* «пчелка» (устар.) и многих других производных слов французского языка. У отглагольного существительного *train* «тяга», входящего, начиная с XII в., в основной словарный фонд французского языка, в XIX в. развивается значение «железнодорожный поезд». В XVIII в. появляется слово *usine* «завод», представляющее собою диалектальное развитие слова *officine* «мастерская», бытующее во французском языке с XII в.

*

Подведем некоторые итоги:

1. Словообразовательные аффиксы обнаруживают очень большую устойчивость в языке.
2. Качественные изменения в способах словообразования заключаются в ограничении производительности одних аффиксов и в расширении производительности других.
3. Ограничение производительности аффикса может быть связано с приобретением производными, образованными при его помощи, известной эмоциональной окрашенности и с преимущественным использованием таких производных в каком-либо одном стиле речи.
4. В качестве некоторой общей закономерности в развитии способов словообразования можно отметить ограничение словообразования от одной основы с разными суффиксами и освобождение, таким образом,

языка от однозначных слов, не являющихся необходимыми для коммуникации.

5. В истории языков наблюдается некоторая тенденция к специализации суффиксов именного словообразования. Суффиксы, не имевшие вначале дифференцированных функций, постепенно распределяются по большим классам имен действия, качества, орудия, места и т. п.

6. Реализация известных тенденций не происходит в родственных языках одновременно. Одни языки характеризуются более быстрыми темпами изменения, нежели другие.

7. Специализация функций словообразовательного аффикса может быть результатом взаимодействия значения аффикса с лексическим значением основы. Так возникают специальные суффиксы «разрушительного действия» (например, суффикс *-is* в старофранцузском языке), суффиксы, обозначающие удар (*-azo* — в испанском), и т. п.

8. Специализация функций словообразовательных аффиксов и их распределение по стилям речи специфичны и определяются закономерностями, свойственными отдельным романским языкам.

9. Изменение словарного состава затрагивает, в первую очередь, подвижные лексические слои, которые подвержены постоянному обновлению в связи с развитием общественных отношений, с развитием науки и техники.
